

Джули Куртис

Англичанин
из Лебедяни

Жизнь Евгения Замятина
1884–1937

Современная западная русистика

«Современная западная русистика» /
«Contemporary Western Rusistika»

Джули Куртис

**Англичанин из Лебедеви. Жизнь
Евгения Замятина (1884–1937)**

«Библиороссика»

2013

УДК 82.01/.09
ББК 83.3(2)6

Куртис Д.

Англичанин из Лебедяни. Жизнь Евгения Замятина (1884–1937) /
Д. Куртис — «Библиороссика», 2013 — («Современная западная
русистика» / «Contemporary Western Rusistika»)

ISBN 978-5-6043579-7-2

Книга Дж. Куртис, известной исследовательницы творчества Евгения Замятина и Михаила Булгакова, представляет собой первую полную биографию Евгения Замятина, включающую редкие материалы архивов США, Франции и России. Тщательному исследованию, в равной мере академическому и увлекательному, подвергаются не только подробности личной жизни и творчества одного из самых недооцененных писателей России первой половины XX века, но и значимые события культурной, политической и экономической жизни того времени. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 82.01/.09

ББК 83.3(2)6

ISBN 978-5-6043579-7-2

© Куртис Д., 2013
© Библиороссика, 2013

Содержание

Предисловие	7
Глава первая	10
Глава вторая	34
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Джули Куртис

Англичанин из Лебедяни. Жизнь Евгения Замятина (1884–1937)

*Светлой памяти моей матери Барбары Рендалл (1920–2012),
которая сделала все, чтобы у ее детей были возможности, которых
было лишено ее поколение*

J. A. E. Curtis
The Englishman From Lebedian
A Life Of Evgeny Zamiatin (1884–1937)

B O S T O N
2013

Перевод с английского Ю. Савиковской

(в оформлении использован шарж на Е. И. Замятина из книги Н. Радлова «Воображаемые портреты»)

© Julie Curtis, text, 2013
© Academic Studies Press, 2013
© Ю. Савиковская, перевод с английского, 2020
© Оформление и макет ООО «БиблиоРоссика», 2020

Евгений Замятин

Eugène Zamiatine

Портрет Замятина работы Ю. П. Анненкова (1921)
(«Портреты», Петербург, 1922)¹

¹ Автор и издательство предприняли разумные усилия по поиску правообладателей и идентификации авторов отдельных иллюстраций и фото, что не во всех случаях оказалось возможным, и готовы рассмотреть обращения по соответствующим вопросам.

Предисловие

Синтетизм пользуется интегральным смещением планов. Здесь вставленные в одну пространственно-временную раму куски мира – никогда не случайны: они скованы синтезом, и ближе или дальше – но лучи этих кусков непременно сходятся в одной точке, из кусков – всегда целое².

Совмещение несовместимого, парадоксальность – в этих понятиях ключ к синтетизму Евгения Замятина. Они также дают представление о личности одного из наиболее выдающихся российских писателей революционной эпохи. Неокубистские линии знаменитого портрета Замятина, выполненного Анненковым в 1921 году, воспроизводят противоречивые грани характера писателя. Этот человек прожил несколько жизней одновременно, но ему удалось соединить их в себе, и даже – несмотря ни на что – сохранить свою внутреннюю целостность.

Этому чрезвычайно умному и образованному человеку приходилось перекраивать себя на протяжении всей своей жизни. Он превратился из провинциального мальчика в искусственного городского жителя; из сметливого сына священника в заговорщика большевистского толка; из бывшего инженера в писателя. Побыв русским в Англии, он умышленно приобрел облик «англичанина» в новую советскую эпоху. Он прошел путь от покорного любовника до уверенного мужа; от беллетриста до драматурга и сценариста; от революционера до умеренного социалиста; от наставника нового поколения писателей, выходцев из рабочего класса, до поборника свободы слова и противника пролетарских догм; от советского гражданина до эмигранта во Францию; от ностальгического летописца жизни русской глубинки до пророка индустриальной эпохи.

Замятин всегда был верен себе. Он не был оппортунистом, скорее любил находиться в конфронтации. Изучение жизни писателя позволяет понять особенности его моральной и политической позиции, которая, по сути, и определила его положение в двух мирах – в СССР 1920-х годов и во Франции 1930-х, – где ему постоянно приходилось говорить вслух о своих внутренних убеждениях. Он не принадлежал своему времени, всегда находясь в оппозиции к господствующим идеологии и культуре. Он также никогда до конца не срастался с местом, где жил – будь это провинциальная Лебедянь, буржуазная Англия, советский Ленинград или эмигрантский Париж.

С другой стороны, в отличие от других русских писателей его поколения, жизнь Замятина охватывает более широкий спектр событий и впечатлений. Выходец из очень религиозной семьи в маленьком городке Лебедянь, что на реке Дон, в 1903 году он смог получить место в престижном только что открывшемся Политехническом институте в Санкт-Петербурге, чтобы изучать морское инженерное дело. В последние годы правления Романовых он заразился пылом молодежной революционной деятельности в Санкт-Петербурге и даже несколько месяцев провел в тюрьме как большевик. Именно в то время он познакомился со столь же радикально настроенной студенткой-медиком Людмилой Николаевной Усовой, которая впоследствии станет его женой. Когда в 1908 году подходило к концу его обучение, он уже писал свой первый рассказ. Подобно А. П. Чехову и М. А. Булгакову, на протяжении многих лет Замятин будет профессионально развиваться одновременно в двух областях. На протяжении десяти лет он изъездил Россию вдоль и поперек, контролируя строительство экскаваторов, насосов и подводных лодок. Параллельно он находил время для написания противоречивых повестей и рассказов, быстро получивших признание, – таких как «Уездное» и «На куличках».

² Из эссе Е. И. Замятина «О синтетизме», напечатанного в виде вступления к альбому «Портреты» [Анненков 1922: 19].

В 1916 году начался новый период жизни Замятина: его отправили в Англию на 18 месяцев, чтобы наблюдать за строительством ледоколов на реке Тайн для Антанты в ходе Первой мировой войны. Жизнь в Ньюкасле вдохновила Замятина на создание смешных сатирических текстов об английском среднем классе. Он вернулся в Россию перед началом Октябрьской революции 1917 года, но уже через несколько недель после восстания пришел к осуждению насилия и авторитарной политики В. И. Ленина и большевиков. В 1919–1920 годах он работал над романом «Мы». Роман предупреждает, к чему могут привести репрессии в общественной сфере и сексуальной жизни человека. В нем критикуются методы промышленного массового производства, с которыми автор столкнулся в Англии. Кроме того, «Мы» пророчески предвосхищает тоталитарную природу советского государства. Вследствие этого вскоре стало очевидным, что роман не может быть опубликован в СССР.

Поработав инженером в Англии, Замятин, облаченный в твидовый костюм, вернулся в Россию, где занял ведущую позицию в советской литературной жизни 1920-х годов. Он был очень работоспособным и профессиональным редактором и рецензентом, преподавал литературное мастерство, а также создал целый ряд рассказов, статей, эссе и пьес. Он несколько раз подвергался арестам – на этот раз от самих большевиков, а не за их поддержку, и едва не был выдворен из страны в 1922 году. Неутомимый помощник Максима Горького в его визионерских проектах, целью которых было помочь выжить литературе и одновременно создать новое поколение писателей рабочего класса, он занимался этими начинаниями даже после того, как Горький уехал в Италию. В течение десяти лет он боролся за то, чтобы защитить литературу от растущего вмешательства и регулирования со стороны органов государственной власти. Он был превосходным стилистом-новатором и создал собственную новую школу синтетизма (или «неореализма»). Он знал всех, переписывался со всеми, был членом бесчисленных организаций и журналов. Кроме того, он играл в покер и засиживался до рассвета, выпивая с ведущими писателями, поэтами, художниками и музыкантами своего времени.

В этот период советское правительство и органы безопасности проявляли необычайно высокий интерес ко всему, что касалось культуры. Есть свидетельства, что судьба Замятина не раз зависела от исхода разбирательств на высших уровнях ЧК (позже ГПУ). Так, в 1919 и 1922 годах он был арестован, и из Москвы поступали противоречивые инструкции. Это повторилось в 1929 году, когда он, казалось бы, получил разрешение покинуть страну после кампании, проведенной против него организацией пролетарских писателей (РАПП), но в последний момент ему запретили выехать за границу. Горький в то время имел огромное влияние на И. В. Сталина (хотя скоро потерял его): это видно из очень подробных писем, которыми они обменивались в течение нескольких лет между Сорренто и Москвой, взвешивая каждую деталь литературных событий и определяя судьбы десятков писателей. Когда Горький вернулся в Россию в 1931 году, Замятин и его близкий друг М. А. Булгаков в отчаянии умоляли его помочь им выбраться из страны. Горький лично ходатайствовал за них перед Сталиным, и Замятину было разрешено выехать за границу в ноябре. Почему у Замятина получилось то, что не вышло у Булгакова? Причина в том, что Горький, уже давно почувствовавший, что Замятин не близок ему как писатель, тем не менее был признателен и верен Замятину как одному из своих самых преданных и энергичных коллег в первые годы советской власти. Возможно, Сталин, как и Горький, тоже благоговел перед широтой образования Замятина: этот человек совмещал технические знания и писательское искусство, рано став истинным «инженером человеческих душ».

Замятин с женой Людмилой прибыли в Париж в феврале 1932 года, и оставшиеся годы своей жизни он провел во Франции. Его писательская карьера не развивалась, а финансовые сложности все чаще вынуждали его писать киносценарии, чтобы зарабатывать на жизнь.

С одной стороны, Замятин оставался советским гражданином и сохранял связи с посольством. Его заявка на вступление в члены нового Союза писателей в 1934 году была одобрена – уникальный случай – лично самим Сталиным в Москве. Он также посетил антифашистский

конгресс, прошедший в 1935 году в Париже, – мероприятие, полное агрессивной просоветской пропаганды.

С другой стороны, хотя некоторые из его друзей, в том числе неоднозначно оцениваемый К. А. Федин, открыто пытались уговорить его вернуться и он даже встретился со многими из тех, кого, в свою очередь, убедили это сделать, он сопротивлялся их уговорам. Конечно, он никогда не стал бы разделять монархические симпатии белых эмигрантов первого поколения; но он также не мог пропагандировать советский режим, как делали многие его знакомые. Его откровенная переписка с друзьями, жившими за пределами СССР, отражает его растущее беспокойство по поводу развития событий на родине, будущее направление которых он смог провидчески предсказать. Большое количество документального материала в форме переписки и дневников, найденных в архивах в постсоветский период, дает нам возможность составить очень подробный портрет человека, сумевшего с большим мастерством лавировать между политическими ловушками и неопределенностью как во Франции, так и в Советской России. В этих документах Замятин всегда искренен, остроумен и информирован.

На известность Замятина за рубежом в значительной степени повлияла антиутопия «Мы», законченная в 1919–1920 годах. В далеком будущем коллективное восторжествовало над индивидуальным: Единое Государство навязало одинаковые нормы всем гражданам, стало регулировать их жизнь с помощью научных и математических предписаний и потребовало полной политической лояльности. И если Олдос Хаксли отрицал, что прочитал «Мы» до того, как написал «О дивный новый мир» в 1931 году, то Джордж Оруэлл с готовностью признавал, что чтение романа Замятина помогло сформировать его собственные идеи для романа «1984», опубликованного в 1949 году (при этом он ставил Замятина намного выше Хаксли). После своей смерти в 1937 году Замятин, казалось, был обречен на забвение на Западе. Одновременно его вычеркнули из истории литературы в России. В тот момент на развитие событий сильно повлиял Оруэлл, который вместе с профессором Г. П. Струве озаботился репутацией Замятина после Второй мировой войны.

Роман «Мы» был переведен на английский и французский еще в 1920-х годах, но в 1952 году его полный текст наконец-то впервые появился на языке оригинала – русском. Он был опубликован в эмигрантском издательстве в Нью-Йорке. Как и «Мастер и Маргарита» Булгакова, роман Замятина достиг русскоязычного читателя (хотя в его случае это были только эмигранты) спустя четверть века после того, как был написан. Пройдет шестьдесят пять лет и даже чуть больше, прежде чем он наконец станет доступным для русских читателей на родине – это случится в самом конце советской эпохи. Лишь в наши дни роман «Мы» был признан в России основополагающим текстом, предупреждающим о политических и технологических опасностях наступающего века. В двадцать первом веке работы писателя обрели свой заслуженный статус и были с энтузиазмом включены в список обязательных книг для чтения в российских школах и университетах. Так Замятин обрел свое место в ряду классиков русской литературы. Он выполнил свое собственное пророчество, в котором говорил о том, что «у русской литературы одно только будущее: ее прошлое» («Я боюсь», 1921).

Глава первая

Из Лебедяни в Санкт-Петербург (1884–1906)

Ну, что же? Я – свободен. Далеко позади безмолвные, томительные стены, железный звон замка, кусочек голубого неба, изрезанный безжалостно решеткою суровой, товарищей угрюмые, измученные лица, немые, серые, холодные, как камень, дни... Все потонуло в той пучине, что зовется прошлым. Свободен я. И вместо сводов небо надо мной раскинулось весеннее, лазурное, и ласковый, и теплый шопот ветра – вместо молчанья каменного стен. Не вижу я Борьбы, с ее жестоким, гордым, страданием искаженным лицом. Бороться не умеют здесь. <...> Дешевенькое, маленькое счастье кругом: в болоте мягком и удобном мирно дремлют люди. <...> Я уже начинаю понемногу заниматься. Музыка почему-то не привлекает меня, как всегда, пение – тоже. Сижу один с своими книгами, с своими... фантазиями. Мои фантазии? Вы думаете, они пройдут? Как они пройдут, если я *не хочу*, чтобы они проходили, если, верней, я не могу, не в силах хотеть этого? Как может вылечиться больной, если он не хочет лечиться, принимать лекарств? Да разве нужно лечиться?³

Автором этих слов был молодой, двадцатидвухлетний человек, только что (в марте 1906 года) выпущенный на свободу после трехмесячного срока, проведенного в одиночной камере петербургской тюрьмы по подозрению в революционной деятельности. Прежде всего, он надеялся удивить благородством своих чувств и тем самым произвести впечатление на девушку, с которой он познакомился всего за несколько недель до ареста. Теперь же, по указанию властей вынужденный уехать за тысячу километров в свой семейный дом в Лебедяни, расположенный на таком же расстоянии к юго-востоку от Москвы, что и сама Москва от Петербурга, он злился и переживал.

Лебедянь – небольшой провинциальный город в самом центре европейской части России. Евгений Иванович Замятин родился там 20 января 1884 года⁴. В тот период в городе насчитывалось около 800 домов и примерно 6000 жителей. За прошедший век число жителей выросло всего до 20 000 человек. Этот маленький городок раскинулся на холмистых склонах, ведущих к верховьям реки Дон. Дон здесь еще довольно узок и лишен ярко выраженной набережной, поэтому на его берегах – кустики, тростник, среди которого плавают утки, иногда попадаются небольшие островки. Как правило, у домов местных торговцев и других горожан были пристройки – небольшие веранды, выходящие на дорогу, где можно было пить чай в жаркую погоду. У Ивана, отца Замятина, были золотые руки, и он много сделал, чтобы благоустроить свой скромный одноэтажный деревянный дом на пыльной Покровской улице. Он вырастил фруктовый сад на участке земли, сбегавшем по крутому склону прямо к Дону: этот район, граничащий с Черноземьем, известен многочисленными сортами хрустящих, сочных яблок. Внизу, у реки, также был теннисный корт, а рядом с ним – купальня.

³ Письмо Людмиле, 26 марта 1906 года [РНЗ 1997: 13, 14, 15]. 334 письма, написанные Замятиным Людмиле Николаевне Усовой (Замятиной) между 1906 и 1931 годами, впервые были опубликованы в этом аннотированном издании, которое стало важнейшим источником для любого биографического исследования, посвященного писателю.

⁴ Сам Замятин в автобиографиях 1920 и 1923 годов приводит дату 19 января [РГАЛИ. Ф. 1776. Оп. 2. Ед. хр. 3; Галушкин и Любимова 1999: 3], и справка о принятии его на военную службу от этого же года подтверждает это [BDIC, dossier 124], однако в его студенческом досье указана дата 20 января [ЦГИА СПб. Ф. 478. Д. 765. Оп. 1]. В его заграничном паспорте 1916 года есть вклейки, на которых присутствуют обе даты [BDIC, dossier 133]. Но метрическая книга Лебедяни за январь 1884 года подтверждает, что он родился 20-го и был крещен 21-го (страница из метрической книги на 1884 год, ее копия есть в [ДМЗ]).

Берег Дона в Лебедяни. Сад дома Замятина простирался до берега реки справа (фото автора)

Позже Иван построил еще один дом рядом – для младшей и единственной сестры Евгения Александры (1885–1957) в связи с ее замужеством [Стрижев 1994: 103; Комлик 1997: 109]⁵.

Так как Лебедянь расположена на Дону, в месте, где сходились пять губерний (Тамбовская, Воронежская, Рязанская, Орловская и Тульская), она быстро стала процветающим торговым городом. С конца семнадцатого века здесь три раза в год устраивалась крупная ярмарка лошадей, в город приезжали торговцы экзотическими товарами, шулера и цыгане. И. С. Тургенев описал Лебедянскую ярмарку в одном из своих коротких рассказов из цикла «Записки охотника» (1852): «Окончившие сделку спешили в трактир или в кабаk, смотря по состоянию... И всё это возилось, кричало, копошилось, ссорилось и мирилось, бранилось и смеялось в грязи по колени» («Лебедянь») [Тургенев 1979:174]. В письме к Кате (возможно, кузине), написанном, когда мальчику было восемь лет, Евгений сообщает, что мама купила ему на январской крещенской ярмарке новый мячик за 75 копеек и что купили нового пони. По-видимому, семья имела относительно хороший достаток по меркам того времени: в том же письме мальчик говорит, что его отец был назначен председателем Комитета по голоду и приобрел весы, чтобы распределять овес и рожь, которыми местные власти снабжали сельских священников, чтобы те раздавали их голодающим. Железная дорога была проведена в город в том же 1892 году⁶.

⁵ Александра Ивановна Замятина (Волкова) родилась 7 мая 1885 года.

⁶ Краткие автобиографии Замятина 1922, 1923, 1924 и 1928 годов опубликованы в [Галушкин и Любимова 1999:2-12]. В них приводится большая часть информации, указанной на этих страницах. Другим важным источником по этому периоду являются следующие книги: [Полякова и Комлик 2007, 2004]. Письмо Замятина к Кате от 26 февраля 1892 года приведено в [РНЗ 1997: 422].

Дом Замятина на Покровской улице в Лебедяни, перестроенный в 2009 году под музей Замятина (фото автора)

В отдельных отрывочных воспоминаниях о своем детстве Замятин описывает себя погруженным в книги, одиноким ребенком, который уже в четыре года гордо зачитывал своим родителям газетные заголовки: чтение и письмо, как и правописание, давались ему «удивительно-легко, инстинктивно»⁷.

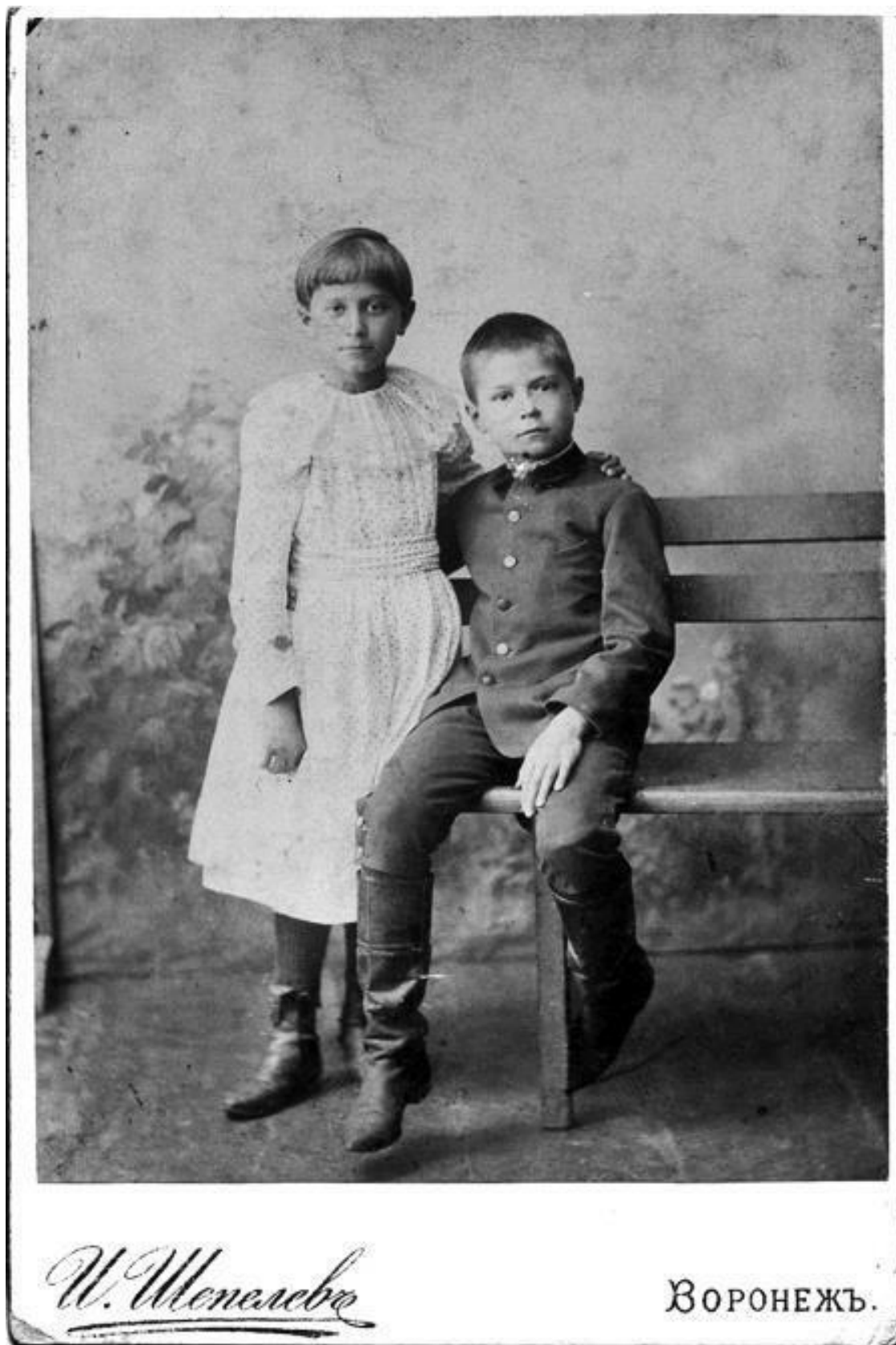
⁷ Письмо к С. А. Венгеру от 27 января 1915 года [Любимова 2002: 186].

Замятин в раннем детстве (середина 1880-х годов)(публикуется с разрешения Международного научного центра изучения творческого наследия Е. И. Замятина)

Сохранилось несколько длинных и очень ласковых писем к «милрой маме», написанных еще до того, как он научился отделять слова друг от друга. В одном, написанном в конце 1880-х или начале 1890-х годов, он сообщает, что у его сестры Саши (Александры) болят гланды, что коза «стала брухаться», что астры в банке начали распускаться, и что он ест постное (яйца)

и пьет молоко [РНЗ 1997:420-21]. Его мать, Мария Александровна, урожденная Платонова (1864–1925), была дочерью местного священника; она получила хорошее образование, была музыкально одарена и любила исполнять произведения Шопена, Брамса, Бетховена и Шумана. Замятин вспоминает, как он лежал под роялем и читал, а за окном, обрамленном геранями, барахтались в пыли поросенок и цыплята. Его отец, Иван Дмитриевич Замятин (1853–1916), также был из семьи священников, жившей в соседнем Липецке. В 1883 году, после женитьбы, он был назначен священником церкви Покровского прихода в Лебедяни. Эта должность досталась ему непосредственно от тестя, который умер в том же году. Таким образом, молодая пара обустроилась и стала жить в семейном доме Марии, где также обитали ее овдовевшая мать Анастасия (1836–1914) и младшая сестра Варвара (Варя, 1872–1931). Об Иване Дмитриевиче известно, что он был добрым человеком с легким заиканием, прихожане его любили, а церковь вознаграждала за образцовое служение на протяжении всей карьеры.

Замятин и его сестра Александра (начало 1890-х годов) (Дом-музей Е. И. Замятина. Публикуется с разрешения Н. С. Замятиной)

В семье соблюдались церковные обряды и праздники, читалось Священное Писание, совершались поездки в близлежащие монастыри. Дом посещали прихожане и местные свя-

щенники, летом семья участвовала в крестных ходах «...с запахом полыни, с тучами пыли, с потными богомольцами, на карачках пролезающими под иконой Казанской. Бродячие монахи, чернички, юродивый Вася-Антихрист, изрекающий божественное и матерное вперемежку...» [Стрижев 1994: 103; Автобиография 1931 года, Каталог выставки 1997: 5].

Замятин запомнил несколько тяжелых моментов из раннего детства. В возрасте восемнадцати месяцев его держали перед окном, чтобы он смог увидеть багровое солнце – он болел и, видимо, был близок к смерти. Он помнил чувство отчаяния, испытанное примерно через год, когда в церкви соседнего Задонска потерял своих родителей в людской толпе. Еще одно воспоминание: его мать и тетя Варя спешат закрыть двери в дом, в то время как по улице перевозят больных холерой. Он также запомнил собственную гордость, когда, облачившись в длинные брюки, первый раз пошел в местную гимназию. Его отец, Иван Дмитриевич, преподавал латынь и каллиграфию в нескольких местных школах и отвечал за религиозное образование учеников. Когда ему было одиннадцать и он поправлялся от кори, Евгений создал свой собственный журнал «Калейдоскоп». После пяти лет обучения в школе в сонной Лебедяни, получив сертификат, подписанный учителями (в том числе и отцом), где упоминались его очень хорошее поведение, работоспособность и успехи, и книгу в подарок, юный Замятин в возрасте двенадцати лет переехал в интернат при гимназии в Воронеже, губернском городе в ста километрах к югу⁸. Как и Лебедянь, Воронеж расположен на шумном Дону, одной из главных водных артерий России.

Описывая свои школьные годы в Воронеже, с 1896 по 1902 год, Замятин упоминает случай из своей школьной жизни: однажды, когда ему было четырнадцать лет, его укусила бешеная собака и он решил никому не рассказывать об этом, а выждать две недели, в течение которых могло проявиться заражение бешенством. Это было мальчишеское испытание собственного характера – в течение этого времени он вел дневник, чего больше не делал никогда. Когда он рассказал о случившемся, его сразу отправили в Москву на курс инъекций, но все оказалось хорошо. В возрасте семнадцати лет он написал письмо своей сестре Александре, которая училась в другом городе. В письме видны как привязанность, так и некоторое важничание: он описывает игру на фортепиано и поход в театр, перечисляет отличные отметки, полученные по всем предметам, рассказывает, как ему понравился вышедший в 1863 году роман Г. П. Данилевского «Свобода» (в нем описывались проблемные стороны манифеста об отмене крепостного права 1861 года). Он обещает предоставить сестре несколько идей для письменного сочинения, которое ей нужно было написать (ему самому тоже задали сочинение о лирических отступлениях в «Мертвых душах» Гоголя), а конец письма, по просьбе сестры, посвящает долгому (и несколько помпезному) размышлению об истинной природе любви⁹. Несмотря на высшие оценки, которые он регулярно получал за русский и сочинение, он «...не всегда легко ладил с математикой. Должно быть, именно потому (из упрямства) я выбрал самое что ни на есть математическое: кораблестроительный факультет Петербургского Политехникума». Но в итоге в рекомендательном письме из Воронежа отмечаются его «отличные успехи в науках, в особенности же в русском и древних языках и математике» [Галушкин и Любимова 1999:2] (Автобиография 1922 года); [Брюханова 2008: 24].

Замятин признавал, что возможность путешествовать по миру, которую предлагала кафедра судостроения для своих студентов, была важным стимулом при выборе курса для высшего образования. Ведь несмотря на то, что до ближайшего выхода к морю было около 1000 километров как к северу, так и к югу, река Дон около Лебедяни и Воронежа с семнадцатого века была важнейшим центром судостроения, так что эта область не была вовсе неизведанной для Замятина [Галушкин и Любимова 1999: 3] (Автобиография 1923 года); [Голикова 2009: 2].

⁸ Копия сертификата находится в [ДМЗ].

⁹ Письмо А. И. Замятиной от 13–14 ноября 1901 года. Копия находится в [ДМЗ].

Замятин – выпускник Воронежской гимназии (1902 год) (публикуется с разрешения Международного научного центра изучения творческого наследия Е. И. Замятина)

Будущий писатель окончил учебу в Воронеже в 1902 году с «золотой медалью», полученной за высшие оценки на всех выпускных экзаменах; ему скоро придется заложить эту медаль за 25 рублей в Санкт-Петербурге. Он также получил справку о том, что в дневнике поведения записей о нем не было и что «в нравственном отношении Замятин Евгений совершенно без-

упречен» [ЦГИА СПб. Ф. 478. Оп. 1. Д. 765] (Студенческое дело). Однако в последний день школьный инспектор предупредил его о поведении бывшего ученика П. Е. Щеголева, который позже станет выдающимся литературоведом: «“Вот тоже кончил у нас с медалью, а что пишет! Вот и в тюрьму попал. Мой совет: не пишите, не идите по этому пути”. Наставление не помогло...» [Автобиография 1931 года, Каталог выставки 1997: 5]. Щеголев был старше Замятина на семь лет и позже стал одним из его близких друзей в Санкт-Петербурге.

Поступая в Политехнический институт в рамках первого набора студентов в октябре 1902 года, Замятин задавал себе высокую планку: на 25 мест на факультете судостроения поступало 500 человек, и те, кто был допущен к собеседованию, должны были продемонстрировать выдающиеся успехи в учебе, знание иностранных языков (Замятин изучал греческий и латынь, а также французский и немецкий) и иметь рекомендацию, подтверждающую их «надежность». Институт, созданный под покровительством министра финансов графа Витте для содействия промышленному и экономическому развитию, размещался в великолепных, только что построенных корпусах. Все студенты жили в одноместных комнатах в комфортабельных общежитиях в Сосновке, на окраине города, и сам институт был обеспечен оборудованием и учителями для обучения цвета молодого поколения. Подобно Пушкину, ставшему учеником первого набора Царскосельского лицея столетием ранее, будущий писатель получал лучшее образование, доступное в России. Задачей кораблестроительного факультета был выпуск специалистов, «природному уму и таланту которых высшее образование должно указать новые пути открытий и изобретений» [Голикова 2009: 2].

Студент Замятин со своей сестрой Александрой (начало 1900-х годов) (Дом-музей Е. И. Замятина. Публикуется с разрешения Н. С. Замятиной)

Замятин переехал в Петербург в августе 1902 года и с 1 октября начал студенческую жизнь. Однако через несколько недель после приезда он выражал в письме к своей сестре Александре беспокойство, что, возможно, сделал неправильный выбор, предпочтя судостроение экономике. Проблема была не в трудности учебы, хотя он описывал свое напряженное расписание с лекциями от 9 до 17 часов и перерывом на полтора часа, не считая домашней работы, а в том, что ему казались более интересными темы, которые изучали экономисты –

они нравились ему больше, чем математика. В любом случае, он собирался посетить лекцию по средневековой истории для экономистов, прежде чем попросить о смене курса обучения¹⁰. Но очевидно, что вскоре он вновь примирился со своим первоначальным выбором.

Чувство собственной цели и склонность искать на первый взгляд парадоксальный, менее очевидный путь заметны как в этих эпизодах из его молодости, так и в размышлениях Замятина из того первого письма к его девушке, которое он написал после выхода из тюрьмы в 1906 году. В письме, напомним, он поднял вопрос, стоит ли «вылечить» себя от фантазий и творческих импульсов. Необычное стремление к бурной свободе, а не безмятежному счастью, было ключевой темой Достоевского и станет одной из основных тем в творчестве Замятина.

¹⁰ Письмо А. И. Замятиной от 20/7 октября 1902 года [Полякова 2009:434–435].

Замятин и его сестра Александра со своими родителями Иваном Дмитриевичем и Марией Александровной (начало 1900-х годов) (Дом-музей Е. И. Замятина. Публикуется с разрешения Н. С. Замятиной)

Поэтому, наверное, неудивительно, что этот ребенок из низшего среднего класса, из благочестивой губернской семьи, согласно официальному определению скромно названный «потомственным почетным гражданином», вскоре оказался втянутым в повсеместное революционное брожение в Петербурге [BDIC, dossier 128] (Свидетельство, 13 ноября 1905). Царство-

вание Николая II сопровождалось усилением ограничений, налагаемых даже на столь слабые демократические учреждения, как земства, введенные в эпоху реформ 1860-х годов. Агрессивная политика русификации привела к росту недовольства в регионах и подпитывала антисемитские настроения, ставшие на рубеже веков причиной широкомасштабных погромов. Появление радикальной молодежи привело к налаживанию связей между угнетенными рабочими и хорошо образованными, но не участвовавшими в жизни государства политическими группами левого толка. Это недовольство усугубилось во время внешнеполитической авантюры: попытка сдержать амбиции Японии по отношению к Китаю и Маньчжурии закончилась унижениями русского флота в Порт-Артуре в 1904 году и в Мукдене и Цусиме в 1905 году.

В одно снежное зимнее воскресенье на Невском проспекте, находясь в огромной толпе народа, Замятин следил за часами:

И когда подан знак – один удар, час дня – на проспекте во все стороны черные человеческие брызги, куски «Марсельезы», красных знамен, казаки, дворники, городовые... Первая (для меня) демонстрация – 1903 год. И чем ближе к девятьсот пятому – кипенье все лихорадочней, сходки все шумнее¹¹.

28 ноября 1904 года он стал свидетелем очередной демонстрации на Невском проспекте, призывавшей к созданию Учредительного собрания (это был первый шаг, необходимый для последующего введения демократических политических структур). Демонстрация была разогнана полицией и казаками, преданными царю [Там же].

Вскоре после этого с печально известных событий 9 января 1905 года, вошедших в историю как «Кровавое воскресенье», начался год первой русской революции. Безоружная процессия бастующих, состоявшая из рабочих Путиловского завода, шла к Зимнему дворцу, чтобы вручить петицию царю. В толпе, возглавляемой священником, отцом Георгием Гапоном, было много женщин и детей; люди несли иконы и портреты царя. Тем не менее войска запаниковали и начали рубить участников шествия саблями и шашками. В итоге более сотни демонстрантов было убито, а раненых было еще больше – люди не успевали убежать, пробираясь через сугробы. Возмущение, вызванное этими событиями, послужило катализатором для волны волнений и забастовок солидарности по всей стране. Несколько студентов Политеха приняли участие в марше; один был убит, и после его похорон начались отставки и беспорядки в институте. Замятин, которому, как обычно, разрешили вернуться домой в Лебедянь на рождественские каникулы, направил в институт телеграмму, чтобы узнать, возобновятся ли занятия; ему ответили, что до 15 февраля это исключено. Фактически из-за волнений занятия в институте были приостановлены более чем на полтора года. Учеба возобновилась только осенью 1906 года [ЦГИА СПб. Ф. 478. Оп. 1. Д. 765] (Студенческое дело); [Брюханова 2008: 26].

В бытность студентом Замятин вынужден был жить на скудные средства, которые высылала ему семья; в декабре 1903 года ему пришлось обратиться к руководству института с просьбой выделить ему сумму в несколько рублей на поездку в Москву для лечения (болезнь он не упоминает); эти деньги ему выдали, при этом частично освободили от платы за учебу. В ноябре 1905 года он получил разрешение уехать в Лебедянь, несмотря на то что только частично оплатил проживание в общежитии [ЦГИА СПб. Ф. 478. Оп. 1. Д. 765] (Студенческое дело). Тем не менее в целом он жил неплохо, и курс, который он в итоге выбрал, полностью соответствовал его любви к путешествиям: каждое лето у него бывали практические занятия на верфях, реках или в море. В это время он открыл для себя Россию, «прибаутливые, веселые третьеклассные вагоны, Севастополь, Нижний, Камские заводы, Одессу, порт, босяки». С мая по сентябрь 1903 года он был в Севастополе, в 1904 году путешествовал по реке Каме, что на Урале к северу от Перми; а летом 1905 года, в возрасте 21 года, он совершил самое захватывающее морское путешествие в своей жизни, отплыв на пароходе «Россия» из Одессы по Черному морю и восточ-

¹¹ Автобиография 1931 года [Каталог выставки 1997: 5, 6]; письмо Людмиле от 22 апреля 1906 года [РНЗ 1997: 30–31].

ному Средиземноморью и обогнув побережье до самой Александрии. Все, что он видел, было полно экзотики:

Константинополь, мечети, дервиши, базары, беломраморная набережная Смирны, бедуины Бейрута, белый Яффский прибой, черно-зеленый Афон, чумной Порт-Саид, желто-белая Африка, Александрия – с английскими полисмэнами, продавцами крокодиловых чучел, знаменитый Тартуш. Особенный, отдельный от всего, изумительный Иерусалим, где я с неделю жил в семье знакомого араба [Галушкин и Любимова 1999: 9] (Автобиография 1928 года).

Когда в середине июня Замятин вернулся из этой летней поездки, он оказался в эпицентре революционных волнений, так как его корабль прибыл обратно в Одессу как раз в то время, когда там вспыхнул мятеж на броненосце «Потемкин». Экипаж броненосца, оборудованного по последнему слову техники, уже был деморализован поражениями во время Русско-японской войны. После того как матросы отказались есть гнилое мясо, командный состав стал угрожать им наказаниями, и тогда они восстали против офицеров. Около Одесского порта сложилась безвыходная ситуация; когда для подавления восстания была выслана военно-морская эскадра, экипажи кораблей подняли мятеж, а «Потемкину» было разрешено уплыть в Румынию. Этот эпизод показал царю, что на вооруженные силы больше нельзя полагаться. Среди выстрелов, пожаров и погромов Замятин целые сутки бродил по Одессе в компании инженера с «России». В своем рассказе «Три дня» (1913), основанном на реальных наблюдениях, он ярко описал события с точки зрения пассажира корабля, недавно вернувшегося из поездки на Ближний Восток. В его голове всплывают картины слепящей жары и песков, звучит шелковый шум волн. В рассказе описывается, как пассажир удивленно замечает стихийное сочувствие простых людей к бунтующим матросам, в то время как уважаемые горожане суетливо снуют по городу, собираются, чтобы празднично поглазеть, или разбегаются в панике после взрыва бомбы. Главная забота рассказчика – вернуться на свой корабль, который после тревожных дней, проведенных в непосредственной близости от «Потемкина» и эскадры, посланной из Севастополя для подавления восстания, уходит из Одессы и вдоль побережья направляется в Очаков.

Вернувшись на север, в Санкт-Петербург, Замятин попал в город, бурлящий от беспорядков, забастовок и сходов, но жизнь в нем была яркой, захватывающей и интересной. «Лето 1905 года – особенно синее, пестрое, тугое, доверху набитое людьми и происшествиями. <... > В те годы быть большевиком – значило идти по линии наибольшего сопротивления; и я был тогда большевиком» [Галушкин и Любимова 1999: 9] (Автобиография 1928 года); [Каталог выставки 1997: 6] (Автобиография 1931 года). В сентябре того же года он присоединился к большевистской секции Российской социал-демократической рабочей партии РСДРП(б). Во время учебы в Политехе Замятин стал заниматься студенческой общественной работой, вступив в члены (к концу 1907 года он уже был его председателем) Студенческого совета. Как он замечал двадцать лет спустя:

Все это сейчас – как вихрь: демонстрации на Невском, казаки, студенческие и рабочие кружки, любовь, огромные митинги в Университете и Институтах. Тогда был большевиком (теперь – не большевик), работал в Выборгском районе; одно время в моей комнате была типография. Сражался с кадетами в студенческом Совете Старост [Галушкин и Любимова 1999: 4, 5] (Автобиографии 1923 и 1924 годов).

На второй неделе октября 1905 года в городе были созданы Советы, и общенациональная всеобщая забастовка практически остановила страну. 17 октября царь был вынужден издать манифест, который стал важным шагом на пути к конституционной реформе: он предусматри-

вал создание парламента – Думы, избираемой узко ограниченным кругом граждан, но имевшей право законодательного вето. Манифест также обещал введение гражданских прав, например свободы слова и собраний. Однако для представителей левых партий этих уступок было по-прежнему недостаточно.

Замятин в Санкт-Петербурге (приблизительно 1910 год) (BDIC, Collection E. Zamiatine – F DELTA RES 614)

К тому времени Замятин уже стал партийным активистом: в середине ноября 1905 года ему пришлось спешно сменить адрес, чтобы иметь возможность тайно раздавать листовки, хранить у себя оружие и взрывчатые вещества. В институте все еще не начинались занятия. Он

работал в Выборгском районном штабе РСДРП(б) и присутствовал на различных встречах, в том числе и 22 ноября, когда обсуждалось проведение референдума о партийных фракциях. Именно тогда он впервые встретил симпатичную молодую студентку-медика Людмилу Николаевну Усову (1884–1965), работавшую на большевиков вместе с сокурсниками Замятина по Политеху – Борисом Крыловым и библиофилом Я. П. Гребенщиковым¹². Позже он вспоминал, что заметил красивую девушку, когда они сидели в переполненной библиотеке перед началом собрания. Новость о том, что он будет выполнять революционные задачи под ее руководством, вызвала в нем одновременно тревогу и радость. Он был недоволен ее властностью, но ему нравились ее живой характер и прямота, а вскоре ему пришлось пережить вспышки ярости и негодования по поводу ее близких отношений с Борисом Крыловым. «О, как я доволен! Как я разозлил ее сегодня! Мне хочется делать ей больно, неприятно. Она грозит, что не будет говорить со мной. Значит, для нее это совершенно все равно?»¹³

¹² О дружбе между Замятиным и Гребенщиковым см. [Любимова 2002: 252–270]. В налоговой декларации Людмилы за 1963 год указана дата ее рождения – 20 октября 1889 года [BDIC, dossier 209], тогда как согласно информации, найденной лично М. Ю. Любимовой в студенческой медицинской справке Людмилы, дата ее рождения указана как 5 сентября 1884 года, что кажется более правдоподобным.

¹³ Замятин вел записи о первых днях их отношений, которые он затем отправил Людмиле в качестве приложения к своему письму от 9–10 мая 1906 года [РНЗ 1997: 38–41].

Людмила Николаевна Замятина (предположительно в 1920-е годы) (BDIC, Collection E. Zamiatine – F DELTA RES 614)

Однако через несколько дней они с Людмилой отправились в театр Яворской, чтобы посмотреть премьеру «Евреев» Е. Н. Чирикова. Спектакль вызвал сенсацию, так как в нем со сцены звучали призывы положить конец эксплуатации рабочих и детально изображался погром. Написанная в 1903 году после печально известного погрома в Кишиневе, прошедшего весной того же года, пьеса сначала была запрещена в России, но была поставлена в 1904–1905 годах в Берлине, Лондоне, Нью-Йорке, Чикаго и Бостоне. Однако в тот вечер Замятин больше всего запомнил детскую простоту, с которой Людмила поцеловала маму на прощание, когда

они уходили в театр, и свою радость в тот момент, когда она, смотря спектакль с места, располагавшегося за его креслом, положила голову ему на плечо¹⁴.

В конце ноября 1905 года Замятин, как обычно, обратился за официальным разрешением вернуться в Лебедянь на каникулы, но в этот раз ему не пришлось уехать из столицы. 3 декабря весь исполнительный состав Совета Санкт-Петербурга, которым руководил молодой Троцкий, был арестован. 11 декабря в квартире некоего Константина фон Шульмана арестовали самого Замятина и тридцать других членов боевой группы штаба РСДРП(б) Выборгского района¹⁵. Полиция ворвалась в помещение и обнаружила там всю группу с планами и огнестрельным оружием. Замятину пришлось быстро продумать план действий: накануне вечером к нему пришел его приятель, «крылоухий» рабочий Николай В., и попросил оставить у него мешочек с пероксилином, так как за ним следили. Если бы полиция нашла пероксилин, оставленный в бумажном мешочке на подоконнике рядом с сахаром и колбасой, а также революционные листовки под кроватью, это могло привести к смертной казни. После того как его обыскали и избили во время ареста, Замятин успел быстро набросать записку и выбросить ее из окна на улицу своим знакомым, попросив их избавиться от «всего неподобающего» в его комнате. Пока его вместе с другими вели на допрос, а также во время одиночного заключения он не знал, была ли выполнена его просьба [Галушкин и Любимова 1999: 9] (Автобиография 1928 года). Подобное ноющее беспокойство из-за возможного обнаружения компрометирующего материала будет испытывать и инженер Д-503, герой замятинского футуристического романа «Мы». Заслуживает внимания, что в романе Замятин использует тот же необычный термин «крылоухий» для описания персонажа S-4711, роль которого в революционном заговоре под руководством «Мефи» сознательно прописана как неоднозначная.

После короткого предварительного расследования он был помещен в одиночную камеру в тюрьме на Шпалерной улице, откуда писал своему отцу. Сдержанно пытаясь утешить его – ведь все письма из тюрьмы внимательно просматривала цензура, – Замятин говорит, правда, без особой уверенности: «Твоя вера поможет тебе, дорогой мой отец, перенести горе. Меня оно, может быть, научит лучше верить». Человек, знавший отца писателя, упоминает, что горе действительно сказалось на Иване Дмитриевиче, здоровье которого ухудшилось в течение последующих лет. В том же письме Замятин сообщает отцу, что, когда его мать – по его просьбе взявшая на себя основные заботы по его освобождению – приедет в Петербург, она сможет узнать точное место его заключения от семьи Усовых, которых он характеризует как «очень симпатичных, простых людей» [Стрижев 1994: 104; Геллер 1997: 60]. Семья Людмилы состояла из ее матери Елизаветы Ивановны и сестры Марии Николаевны. Студентка медицинского факультета Мария Николаевна, как и ее сестра, также входила в состав РСДРП(б), и ее арестовали вместе с Борисом Крыловым, как и еще 70 других людей, на следующий день после Замятина. У Крылова был изъят печатный станок и 500 прокламаций. Людмила также едва избежала ареста в начале апреля 1906 года, и Замятин умолял ее не рисковать без необходимости, так как, если она попадет в тюрьму, он будет очень страдать. 17 апреля 1906 года Людмила обратилась в полицию с просьбой освободить ее сестру Марию, что в итоге и было сделано.

Официальное обвинение было предъявлено Замятину в последний день декабря 1905 года. Как позже выяснилось, его друзьям удалось вынести из его комнаты компрометирующие предметы, и в отчете полиции от 19 января 1906 года было написано следующее:

При обыске Замятина у него ничего предосудительного найдено не было, но ввиду нахождения его в этой квартире, куда он, по его словам, пришел как сотрудник газеты «Новая жизнь», для получения сведений для хроники газеты, из помещающегося здесь же «Бюро союза волокнистых

¹⁴ [Любимова 1991: 98–99]. Большая часть материала этого раздела взята из данного источника.

¹⁵ Письмо Л. Н. Усовой от 26 марта 1906 года [РНЗ 1997: 16, сноска 1].

веществ», не дает основания сделать какой-либо вывод о его участии в совершении государственного преступления, впредь до выяснения дознанием всех обстоятельств дела [Замятин 2011: 5, 99, сноска 20].

Тем временем его мать приехала в Петербург. Обратившись за поддержкой к князю А. Г. Гагарину, возглавлявшему Политехнический институт, в конце февраля она написала в Департамент полиции с просьбой о том, чтобы ее сына отпустили под домашний арест. При этом «случайную» связь сына с политическими радикалами она объясняла «молодостью и легкомыслием» [Там же].

В течение трех месяцев одиночного заключения Замятин делал заметки о книгах, которые прочитал. Среди них были философские трактаты и исследования – например, книга популярного немецкого психолога Макса Нордау «В поисках за истиной (Парадоксы)»¹⁶; он также читал художественную литературу (Золя, Сенкевича), занимался английским языком (который начал изучать в институте) и, по-видимому, написал несколько стихотворений. Опыт тюремного заключения, несмотря на физические неудобства, оказался не таким уж бесполезным. Он чувствовал, что это придало твердости его характеру, и испытал действие мощной стихии:

Вы никогда не купались в прибое? – А мне вспоминается сейчас мое последнее купание в Яффе. – Вал огромный, мутно-зеленый, покрытый белой косматой пеной, катится медленно, все ближе, ближе – и вдруг с ревом хватает в свои мощные объятия, бросает, комкает, несет... Чувствуешь себя маленькой щепкой в его могучей власти, без силы, без воли, находишь какое-то странное удовольствие от ощущения своей ничтожности и бессилия, удовольствие – отдаться с головой во власть этого чудовища теплого, сильного... Еще несколько порывов – и вас выбрасывает на горячий песок, под горячее солнце...

Так было в жаркой Яффе. Что-то похожее на это было и в холодном Петербурге. И досадно мне было, и рад я был, страшно рад этой волне¹⁷.

Людмила писала ему и передавала посылки, но ни одно из его ответных писем из тюрьмы не сохранилось. Однако он сохранил некоторые из собственных заметок, которые позже процитировал в одном из писем, посланных ей уже после выхода на свободу. Так, 12 февраля 1906 года он размышлял о том, как важно жить полной жизнью, жить настоящим, независимо от последствий:

Не тратить свою жизнь? Беречь ее? Чтобы дольше протянуть ее? – Да ведь это все равно, что подарить чудную музыкальную пьесу, полную Шопеновской неги, огня Моцарта, Вагнеровских вакханалий, величия Бетховена, грусти Чайковского – и посоветовать играть ее не всю сразу, а... по строчке каждый день. <...> И только тем доступна чудная, полная счастья и страданий, музыка, которые смело, запрокинув голову, жадными глотками выпивают жизнь, не заглядывая, много ли еще осталось до дна, и не забываясь о том, что пьют они – яд или лекарство¹⁸...

Благодаря усилиям матери к 13 марта Замятин был освобожден из тюрьмы, но ему было поставлено условие проживания за пределами столичных городов и под надзором полиции. За те три дня, что оставались до его вынужденного отъезда из Петербурга в Лебедянь, они с Людмилой смогли провести вместе

¹⁶ [Любимова 2002: 12]. Этот анализ Любимова развивает дальше в [Замятин 2011:37–38].

¹⁷ Письмо Л. Н. Усовой от 9 апреля 1906 года [РНЗ 1997: 23].

¹⁸ Цитата из письма Л. Н. Усовой от 9-10 мая 1906 года [РНЗ 1997: 37].

15 часов, и его письма, написанные той весной, полны тревоги о том, что он прожил это время неправильно. Неудивительно, что в этих обстоятельствах им было неловко вместе: «Мы оба были какие-то странные, точно другие, точно мы не узнавали друг друга» [Там же: 36]. Замятин неохотно говорил об их отношениях, так как был переполнен эмоциями; основными были переживания и боль от осознания надвигающегося расставания. Но он очень обрадовался, когда, попрощавшись у городской почты, Людмила пришла и на вокзал, чтобы по настоящему проводить его.

Особенно показательны десять сохранившихся писем, написанных Замятиным Людмиле из Лебедяни весной 1906 года¹⁹. Они были написаны молодым человеком 22 лет предмету его первой серьезной любви и должны были выполнять сразу несколько задач. Короткая на тот момент история отношений молодых людей опиралась всего лишь на три недели знакомства в процессе тайной революционной деятельности, когда вопросы власти и подчинения осложнялись проявлениями ревности со стороны Замятина. В течение следующих трех месяцев отношения развивались только через тюремную переписку и поддерживались редкими посещениями. Те несколько часов, что они провели вместе после его освобождения, закончились его ссылкой в город за 1000 километров от Петербурга. Следовательно, у их романа почти не было времени или возможности развиваться. Однако Замятин был полон решимости сохранить этот маленький огонек, несмотря на большое географическое расстояние между ними. Поэтому его первые письма содержат размышления об их общем прошлом и перспективах на будущее, а также выражают чувства, его желание закрепить эту любовь в реальности. Одиночество в Лебедяни побудило его высказывать важные мысли о себе, говорить о своих чувствах, описывать свою личность, чтобы она поняла, с каким человеком встретилась. Они также включают в себя добросовестные – возможно, даже несколько чрезмерные – декларации революционных убеждений, ставших первопричиной их встречи.

В том первом письме от 26 марта, где он писал о том, что наконец оказался на свободе, Замятин описывал свою тоску по работе, риску и борьбе после почти четырех месяцев вынужденного бездействия. Он явно понимал, что некоторые из его писем могут быть перехвачены, и поэтому использовал довольно простой код, основанный на перестановке букв алфавита, когда упоминал политические события – такие как предстоящий Четвертый конгресс РСДРП(б), который должен был пройти в Стокгольме в апреле²⁰. В следующем письме он опровергает предположение, сделанное, по-видимому, загадочным Николаем В., о том, что его приверженность революционному делу поверхностна или неискренна. Замятин возражает, говоря о том, что самые идейно фанатичные люди обычно проявляют наибольшую активность в революционном движении, но часто бывает так, «как совершенно верно замечает Ницше, этот тонкий психолог», что этим очень деятельным людям не хватает творческой жилки (6 апреля). Он уверяет Людмилу в том, что тюрьма только укрепила его готовность служить партии, и говорит ей, что собирается использовать время ссылки для того, чтобы лучше освоить такие темы, как аграрный вопрос и роль кадетов, а также разобраться в ограничениях полномочий будущей Думы новыми указами, вышедшими весной того года. Он прочитал недавно опубликованную книгу Троцкого «Одна или две палаты», и с тревогой упоминает о жестоким обращении с членами партии, о котором узнал из прессы. Замятин составил список из пятнадцати книг и статей и хотел, чтобы Людмила отправила их ему в дополнение к тем социалистическим газетам, которые он уже получал. В список входили Бебель, Каутский и другие авторы, писав-

¹⁹ Большая часть материалов для последней части этой главы взята из следующих писем Замятина к Людмиле и сопровождающих их примечаний: 26 марта; 6, 9, 15, 17 и 22 апреля; 5, 9-10 и 20–23 мая 1906 года [РНЗ 1997: 13–43]. Соответствующие даты будут указаны после цитат в тексте.

²⁰ Код был расшифрован Буниной и Любимовой. 22 апреля 1906 года Замятин сообщил Людмиле, что его письмо от 10 апреля, вероятно, было перехвачено, так как полицейский, который его знал, увидел, как он принес его к почтовому вагону на станции [РНЗ 1997: 17, 30].

шие об анархизме и социализме, Марксе и Ницше, браке и свободной любви, интеллигенции и пролетариате, социал-демократии и научном социализме, а также аграрном вопросе. Он признавался, что не все предназначалось для него самого, поскольку он планировал предлагать эти статьи и книги местным жителям, надеясь тем самым внести свой вклад в революционное дело²¹.

К апрелю у Замятина появились некоторые основания надеяться на амнистию; такая возможность обсуждалась в связи с началом работы первой Думы (в которой доминировали либерально-демократические партии, так как эсеры решили бойкотировать выборы). Он с презрением отзывался о «предательстве» тех представителей левого движения, которые призывали к сотрудничеству с Думой. Подобный настрой на компромисс, как он считал, может привести к окончательному поражению революции 1905 года. 9 мая он все еще надеялся, что его собственные, как он их называл, «заблуждения» будут «милостиво прощены». Однако он признается Людмиле, что в целом ему сложно сосредоточиться на чтении политических трудов, так как его слишком часто отвлекают мысли о ней. Он нежно называет ее своей дорогой или милой Люси, используя непривычный уменьшительный вариант ее имени, который скорее всего был калькой с английского Lucy. В то же время он продолжает использовать вежливую форму «вы» вместо более личной «ты». Нормы обращения в то время уже изменились, и вполне возможно, что это была лишь условная вежливость. Интересно, что Замятин продолжал обращаться к Людмиле на «вы» даже после заключения брака и во всех последующих письмах к ней. Вспоминая те непростые часы, которые они провели вместе после его освобождения из тюрьмы, он извиняется за свою неуклюжесть и за свою «корректность», которая, скорее всего, мешала ему проявлять свои истинные чувства. В его первом письме некоторые места были потом вырезаны, а в оставшемся тексте он ограничился просьбой прислать ему свою фотокарточку школьных лет и написал на прощание: «Крепко жму Вашу маленькую руку». На том этапе он редко был откровенным, предпочитая ограничиваться эротическими намеками – например, упоминая упругие молодые весенние листья на деревьях в саду, трепещущие под нежными поцелуями дождя. Но затем он возвращался к прежней застенчивости и самоиронии:

– Ну, а теперь, когда я написал это и прочитал – мне смешно, мне почти стыдно! Ну, скажите мне Вы, смешно ведь это, глупо? Или нет? Так всегда со мной. – Расколотый я человек, расколотый на двое. Одно «я» хочет верить, другое – не позволяет ему, одно – хочет чувствовать, хочет красивого – другое смеется над ним, показывает на него пальцами... Одно – мягкое, теплое, другое – холодное, острое, беспощадное, как сталь... И оно побеждает, холодное, оно побеждало всегда – с тех пор, как я стал думать. И жизнь была такая холодная... Оттого я искал всегда нового, разнообразия, опасностей – иначе было бы слишком холодно, слишком пусто... (9 апреля).

В письмах Замятин просит ее стать ему настоящим другом, так как у него раньше их не было, предлагает довериться ему, как брату, и рассказать ему о том, что она чувствует по отношению к нему. Ему было очень неприятно узнать, что Мария, которая, видимо, к тому времени вышла из тюрьмы и вернулась жить к сестре, читала его интимные письма к Людмиле. Он, очевидно, почувствовал, что сестра не слишком поддерживает их отношения, и признавал, что она в чем-то права, описывая его как эгоиста и хищника, которого сдерживает только кодекс поведения интеллигента. Он также просит Людмилу быть снисходительной к его фантазиям, уверяя ее, что любой, кто застрянет в Лебедяни, обязательно сойдет с ума, начнет странно вести себя и говорить глупости. Он даже разработал свою собственную «теорию о “глупостях”», доказы-

²¹ М. Ю. Любимова отмечает, что этот парафраз указывает на то, что Замятин читал книгу Ницше «По ту сторону добра и зла», которая была переведена на русский язык в 1905 году [РНЗ 1997: 21, примеч. 2]. Философские и политические произведения, которые Замятин читал в течение 1906 года, приведены М. Ю. Любимовой. См. [Замятин 2011: 37–82].

вая, что преднамеренная, сознательная глупость продуктивна, подобно высшей математике, где нет гипотез, которые априори не содержали бы элементов неточности, приближительности и возможных ошибок. Другими словами, разум всегда включает в себя элементы глупости.

К тому времени он всеми силами души желал выбраться из Лебедяни: «Или, быть может, мне довольно свободы передвижения по затхлым улицам затхлого городишка, встреч с черносотенцами и пустоголовыми девицами, с головой ушедшими в наряды и кокетство?» (6 апреля). Он был потрясен, увидев местных полицейских, проходивших интенсивную подготовку: «Все в черном, на черных конях... “Скачут и взад, и вперед”, бросаются с обнаженными шашками в атаку на невидимого (внутреннего) врага, учатся рубить людей по всем правилам искусства... Винтовки болтаются за спинами, нагайки привешены у седел...» (22 апреля). Жить дома тоже было тяжело из-за постоянного потока посетителей, отвлекавших его, когда он пытался сосредоточиться и почитать. Его сестра Александра готовилась выйти замуж за учителя литературы из Лебедянской гимназии, сурового человека лет на 12 старше ее, Владимира Волкова. По мнению Замятина, из-за этого распалась жизнь его семьи:

В семье – драма, молчаливая, тихая. Драма такая, как чеховский «Вишневый сад», как «Дядя Ваня». Семья разрушается, обваливаются красивые пристройки, остаются одни голые, старые, пустые стены.

Мать всю жизнь жила только детьми – мной и сестрой. Теперь дети ушли: сестра – замуж, я совсем в другую, чужую жизнь. А она стоит и видит впереди себя одно пустое пространство: нет цели жизни, нечем дышать. Переживать это – тяжело невыносимо. Смотреть – тоже тяжело... Сестра – человек с большими идейными запросами. Я думал ввести ее в круг тех же интересов, которыми живу сам. Осенью она хотела ехать на курсы, но... вышла замуж. И мне кажется, что муж сделан совсем из другого теста и что она скоро разочаруется в нем. Боюсь, что и она чувствует то же. Смотреть на это – тоже тяжело...

А я сам – устал. Устал оттого, что нет жизни, которая толкала бы, будила, увлекала, не давала слишком много задумываться. А то иной раз, как сегодня, дойдет до того, что ни в себя и ни во что, кажется, не веришь, и ничего нет в душе – ни энергии, ни мысли: пусто там, как в вымершем доме... (9 мая).

Поразительно, что в этом описании он ничего не говорит о своем отце. Возможно, это свидетельствует о дистанции между ними, которая только увеличивала нараставший разрыв внутри семьи между матерью и детьми, братом и сестрой.

К тому же он плохо себя чувствовал: подхватил грипп, жаловался на головные боли, бессонницу и шалящие нервы. Но главным для него оставалось твердое решение вернуться в Петербург: «Ведь весна на 23-м году жизни не повторяется» (5 мая). Он засиделся в Лебедяни в том числе и из-за финансовых обстоятельств: «Своих денег у меня всего-навсего рублей 25, а *просить* у отца денег, чтобы жить в Петербурге для дела, которое он считает вредным для меня, и вообще – я не хочу. <...> Потому-то я и хотел было устроиться на практику в Питере, если можно, а нет – так на рейс Петербург – Лондон». Поэтому он пытался наладить контакт с деканом кораблестроительного факультета К. П. Боклевским, известным своей неподдельной заинтересованностью в делах студентов. «Одно я знаю, что долго еще – здесь не выдержу. Куда-нибудь уеду. Тянет меня, между прочим, и моя привычка – странствовать» (22 апреля). 30 мая инспектор полиции в Лебедяни наконец поставил штамп в его документах, чтобы зафиксировать дату отъезда, а еще одна полицейская печать, отмечающая его временную регистрацию по адресу в Санкт-Петербурге, датирована 4 июня. Тем не менее он, видимо, еще не имел права на постоянную регистрацию в Санкт-Петербурге [Галушкин и Любимова 1999: 10] (Автобиография 1928 года). Хотя его точный юридический статус на тот момент не совсем ясен, можно

предположить, что за выполнением условий его внутренней ссылки следили не слишком строго ввиду политической оттепели, связанной с открытием первой Думы.

Примечательно, что руководство Политехнического института отнюдь не было равнодушно к судьбе одного из своих самых блестящих, пусть и политически проблемных студентов, и поддерживало его на протяжении ряда лет, даже десятилетий. Видимо, в ответ на просьбу о работе, обращенную к декану Боклевскому, через несколько недель после возвращения в Санкт-Петербург Замятина отправили на практику (с выплатой стипендии) в Финляндию, на Сандвикский корабельный док в Гельсингфорсе (Хельсинки) [ЦГИА СПб. Ф. 478. Оп. 1. Д. 765] (Студенческое дело). Это помогло ему избежать нежелательного внимания петербургской полиции. Если судить по его письмам к Людмиле, он приехал туда вскоре после 20 июня. Получается, что пара в очередной раз рассталась, и снова спустя всего две-три недели, согласно уже сложившейся модели их удручающе непостоянных отношений. Он занятно описывает ей, как он и его сокурсник, выглядевшие и чувствовавшие себя дикарями среди аккуратных и элегантных скандинавов, посещали сауну и восхищались отсутствием стеснения у местных, которые плавали, прыгали, ныряли и пили кофе обнаженными. Его также впечатлила свобода отношений между влюбленными парами, обнимавшимися в парках по вечерам: он жаждал поделиться этим с ней, хотя она, – судя по всему, чтобы поправить свое здоровье (вскоре у нее найдут туберкулез), – решила провести свой отпуск с друзьями на Волге: «Когда я видел эти парочки – я вспоминал о Вас. Мне хотелось бродить, ездить по морю, сидеть на скалах, слушать музыку – с Вами». Очевидно, именно это письмо возымело свое действие, потому что Людмила вскоре изменила свои планы и присоединилась к нему. Замятин вспоминал то лето в Хельсинки с нежностью: «Комната на Эрдхольмсгатан, под окнами – море, скалы. По вечерам, когда чуть видны лица, – митинги на сером граните. Ночью – не видно лиц, теплый черный камень кажется мягким – оттого что рядом ОНА, и легки, нежны лучи свеаборгских прожекторов»²².

Его слова о митингах заставляют вспомнить о том, что Финляндия в то время еще была частью Российской империи и, по сути, с начала века подвергалась все более жестким мерам русификации. Свободы, завоеванные для России во время революции 1905 года, были предоставлены и финнам, но радикально настроенные работники Красной гвардии во главе с Йоханом Коком в тот момент настаивали на более основательных демократических уступках. Замятин однажды был представлен Коку в бассейне, причем оба были без одежды. Затем пришли известия о тревожном развитии событий в России: царь Николай II, которого привел в ярость настрой Думы на конфронтацию, послал войска занять Таврический дворец и 9 июля выпустил указ о роспуске первой Думы. На протяжении почти трех недель Россия была охвачена беспорядками, так как в знак протеста революционные силы пытались спровоцировать массовое восстание.

Почти половина членов распущенной первой Думы уехала в Финляндию [Seton-Watson 1967: 624]. Замятин описал одно из собраний в Хельсинки, на котором он присутствовал. На нем выступал писатель-модернист Л. Н. Андреев: «Было это в 1906 году. Революция не была еще законной супругой, ревниво блюдущей свою законную монополию на любовь. Революция была юной, огнеглазой любовницей, – и я был влюблен в Революцию»²³. Читатели Андреева знали его как автора рассказов, и пришло много народа, чтобы послушать его мнение о современных политических вопросах. Торжественная и выразительная речь Андреева, в которой он предсказал неминуемую казнь венценосного главы российского народа, была встречена бурными овациями. Вскоре произошел серьезный мятеж на военно-морской базе на острове

²² Письмо Л. Н. Усовой, 1 июля 1906 года [РНЗ 1997: 45–48]; [Галушкин и Любимова 1999: 10] (Автобиография 1928 года).

²³ «Л. Андреев» (1922) [Замятин 1967: 53].

Свеаборг в Финском заливе, и царь послал морскую эскадру из Кронштадта, чтобы подавить восстание в рядах финской Красной гвардии. В какой-то момент среди этих событий Замятин решил вернуться в Петербург, переодевшись, чтобы его не узнали: «выбранный, в каком-то пенсне» [Галушкин и Любимова 1999: 10] (Автобиография 1928 года).

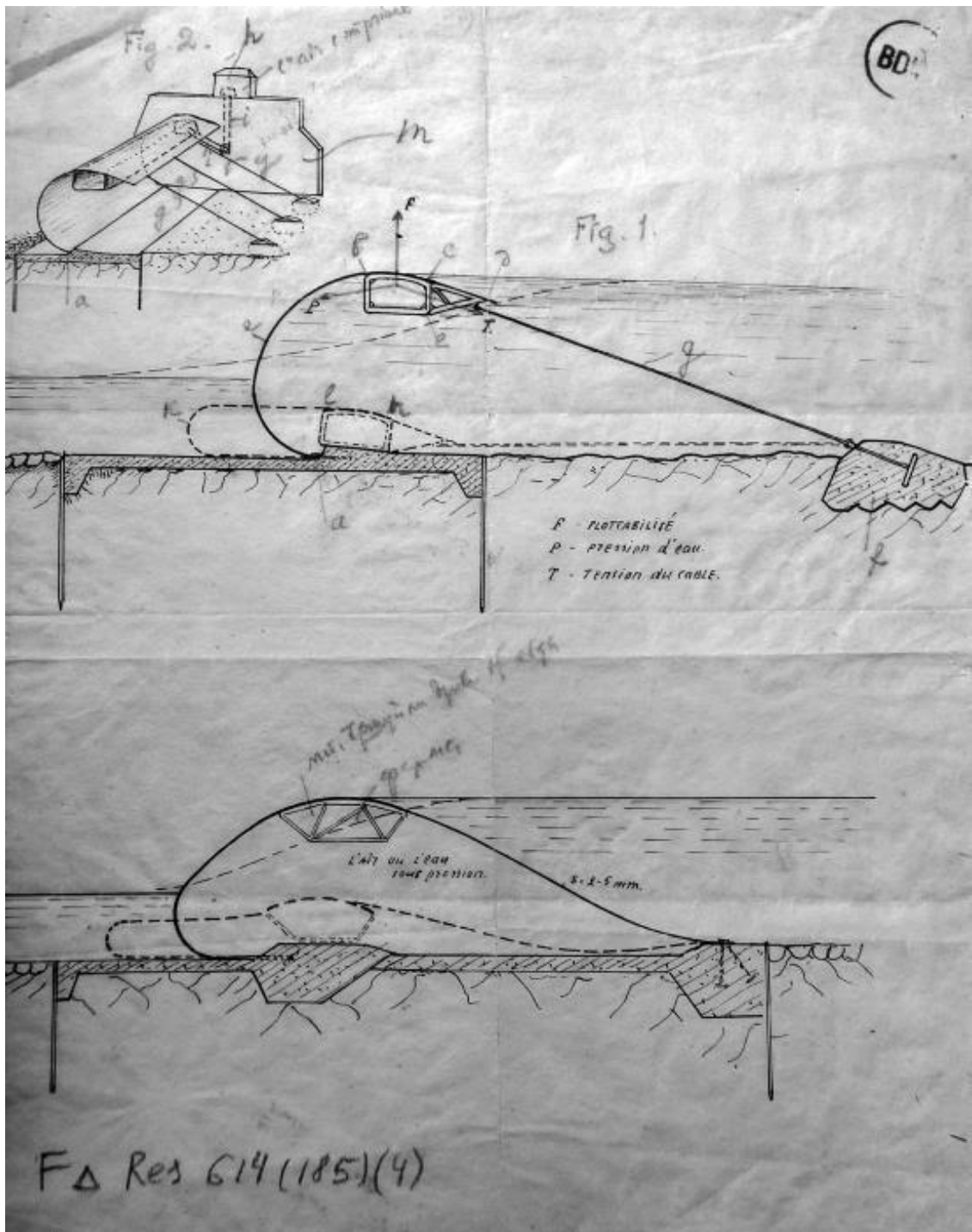
Царские власти слишком хорошо понимали, в какой степени студенты Политеха, да и многие его сотрудники, были причастны к революционной деятельности, и посылали шпионов следить за проходящими там собраниями. В августе 1905 года царь даровал университетам автономию, в результате чего революционные партии развили активность в их помещениях [Seton-Watson 1967: 599–600]. 29 сентября 1906 года в институт поступила жалоба о том, что на его территории неделей раньше прошла встреча 42 рабочих, 56 студенток и 15 студентов. 28 октября руководству доложили о том, что на следующий день в институте должно было состояться важное заседание партии эсеров: декану Боклевскому было поручено не допустить проведения собрания, чтобы избежать вмешательства полиции. В ноябре и декабре поступали новые жалобы по поводу митингов, на которых присутствовали примерно 1500 человек, причем многие из них были рабочими. Там профессора призывали студентов поддержать передачу земли народу, распространялись подстрекательские листовки, звучали призывы созвать Учредительное собрание или насильственно свергнуть существующий порядок, декламировались опасные стихи и пелись революционные песни. Один раз полицейское руководство пожаловалось на то, что, несмотря на четкое предписание, высшие должностные лица института, директор князь А. Г. Гагарин и профессор А. С. Постников, намеренно мешкали с тем, чтобы прервать заседание в одном из общежитий института, позволив пятерым рабочим и десяти студенткам сбежать [Студенческое дело: ЦГИА СПб. Ф.478. Оп. 1. Д. 765].

На фоне этих событий осенью 1906 года Замятин наконец снова приступил к учебе в Политехе, уже успев проявить свои левые взгляды и пройдя сравнительно невредимым через испытания тюрьмой и внутренней ссылкой. Наконец они с Людмилой могли быть вместе, расставаясь лишь тогда, когда этого требовали их обычные дела и обязательства. Он перестал зависеть от своего дома и воспитания, начав взрослую самостоятельную жизнь. И именно в это время, еще учась на инженера-кораблестроителя, он встал на совершенно новый путь и написал свой первый художественный текст – рассказ «Один», основанный на собственном тюремном опыте в декабре 1905 – марте 1906 года.

Глава вторая

Из Астрахани в Архангельск (1906–1916)

Замятина, вернувшегося к занятиям на кораблестроительном факультете Политехнического института осенью 1906 года, можно увидеть на фотографии 1907 года с группой старост курсов и директором-основателем института князем А. Г. Гагариным. Этим студенты бросали вызов властям, так как фотография была сделана в знак солидарности с князем, по личному приказу Николая II вынужденным уйти в отставку за недостаточную твердость в исполнении своих обязанностей. Летом 1907 года студенческие общежития института закрыли, чтобы предотвратить усиление политической активности, и Замятину пришлось несколько раз переезжать с квартиры на квартиру [Каталог выставки 1997:13; Брюханова 2008:28–29]. Он закончил учебу в Политехе 21 мая 1908 года (только 11 из 25 студентов первоначального набора смогли выпускиться в том году), представив для защиты диссертацию «О выборе главных размерений грузовых судов» с эскизами и схемами в качестве приложений. Еще один сохранившийся чертежный набросок – оригинальный проект гибкой плотины, где резиновая пластина может быть отогнута назад, чтобы перекрыть поток воды, – демонстрирует его чертежное мастерство, отличающееся точностью и красотой линий [Голикова 2009: 3; Брюханова 2008: 7; BDIC, dossier 185].

Чертеж гибкой плотины, выполненный Замятиным (предположительно начало 1910-х годов) (BDIC, Collection E. Zamiatine – F DELTA RES 614)

Получив квалификацию морского инженера, он сразу подал заявку в Министерство торговли для поиска работы. Однако министерство решило навести справки о его политической благонадежности. Когда из полиции пришел ответ с подробностями его ареста в декабре 1905 года, в трудоустройстве Замятину было отказано. Во второй половине 1908 года представители Политеха, видимо, замолвили за него слово, так как в конце октября полиция сообщила министерству, что уголовного расследования его дела не будет. Политехнический институт сразу же предоставил ему стипендию для учебы в магистратуре и изучения строительства береговых установок. 19 ноября он получил диплом, подписанный деканом Боклевским, и одновременно

был назначен на должность преподавателя института. Всего через неделю, снова благодаря помощи Боклевского, он получил место инженера в Отделе торговых портов Министерства торговли и промышленности, и это станет его официальной должностью на ближайшие десять лет, вплоть до 1918 года.

В течение 1909 года Замятин работал на разных заданиях: в августе и сентябре он проверял чертежи верфей Белого моря в Архангельске, посещал поражающие своими размерами Путиловский и Металлический заводы, где изготавливались детали для линкоров, переводил отрывки из статьи о кранах, написанной французским инженером, и контролировал доставку новой лебедки. Следующим летом он был назначен на должность инженера по техническим занятиям в черноморском порту Поти. В период с 1909 по 1915 год он опубликовал более десятка статей о разработках в области проектирования судов, экскаваторов, подводных лодок и ледоколов, где активно выступал за замену паровых двигателей на двигатели внутреннего сгорания. С 1911 года, несмотря на неопределенный политический статус своего протеже, декан Боклевский регулярно продлевал его контракт «преподавателя корабельной архитектуры» в Политехе [BDIC, dossiers 133Б/120 (3)]. На протяжении долгих лет инженеры и коллеги из института останутся близкими друзьями Замятина.

В течение этих лет ему приходилось постоянно переезжать, чтобы полиция его не обнаружила, так как по условиям внутренней ссылки ему до сих пор официально не было разрешено жить в Санкт-Петербурге. Он катался в город и в Политех, но был вынужден искать жилье за городом, в частности в Сестрорецке, к северо-западу от столицы, и на побережье у Лахты, что было немного ближе. К счастью для него, произошла административная путаница по поводу того, к какому именно учебному заведению он принадлежит, что помешало властям поступить с ним в соответствии с их первоначальными планами:

Повестка: явиться в участок. В участке – зеленый листок: о розыске «студента университета Евгения Ивановича Замятина», на предмет высылки из Петербурга. Честно заявляю, что в *университете* никогда не был и что в листке – очевидно, ошибка. Помню нос у пристава – крючком, знаком вопроса: «Гм... Придется навести справки». Тем временем я переселяюсь в другой район: там через полгода – снова повестка, зеленый листок, «студент *университета*», знак вопроса и справки. Так – пять лет, до 1911 года, когда наконец ошибка в зеленом листке была исправлена и меня выдворили из Петербурга [Галушкин и Любимова 1999: 10] (Автобиография 1928 года).

Когда в июне 1911 года полиция все-таки обнаружила его, Замятин сообщил Людмиле, что ему дали три-четыре дня, чтобы уехать из Петербурга, но все же продолжал надеяться, что декан Боклевский попытается спасти положение. Однако ему пришлось временно прекратить работать, так как если бы полиция обнаружила, что он остался в городе, ему могли дать три месяца тюрьмы. Боклевский обратился к губернатору с просьбой разрешить Замятину жить в Санкт-Петербурге, но эта просьба была отклонена «ввиду имеющихся в Охранном Отделении неблагоприятных сведений об инженере <...> Евгении Ивановиче Замятине»²⁴. Временное решение, найденное Боклевским, заключалось в том, чтобы отправлять Замятина в различные командировки, например на Коломенский завод под Москвой в июле 1911 года. Также в июле Замятин побывал у губернатора, где ему вручили повестку в охрану; перед тем как пойти туда, он в тревоге уничтожил некоторые из писем Людмилы и другие документы. В итоге с ним обошлись исключительно вежливо, но тем не менее настояли на том, чтобы он уехал из Петербурга. Это требование было еще раз подтверждено в официальном письме губернатора Боклевскому от 5 августа. В сентябре он посетил Лебедянь и работал над статьей, которую

²⁴ Письмо от Боклевского, 19 июня 1911 года [Нечипоренко 1996: 71].

планировал отправить в качестве заявки на конгресс в Филадельфии, куда он надеялся поехать в 1912 году. В Америку на конгресс он не попал, но статья под названием «Будущее морского судостроения и дноуглубительные работы в морских каналах и портах» была опубликована в двух частях в ежемесячном издании «Русское судоходство» в 1912 году [Каталог выставки 1997: 13].

Доступные документальные свидетельства о жизни Замятина в период, когда ему было под 30, в основном фрагментарны, если не считать писем, которые он писал Людмиле во время их частых разлук. Она работала в различных пригородах Санкт-Петербурга как акушер и гинеколог, а он разъезжал по всей стране в командировки по вопросам судостроительства. Оба были чрезвычайно заняты, перемещаясь с места на место по работе или беспокоясь по поводу полиции, а позже из-за проблем со здоровьем. Революционный пафос, на удивление, больше не появляется в его письмах за эти годы. Нет никаких документов, указывающих на их дальнейшее активное участие в радикальном социалистическом движении. Возможно, проверки полиции стали более строгими, однако, скорее всего, теперь собственная трудовая и личная жизнь занимала все их время.

Ноябрь 1908 года стал переломным не только в профессиональной, но и в литературной деятельности Замятина. «В 1908 году кончил Политехнический институт по кораблестроительному факультету <...>. Одновременно с листами проекта башенно-палубного судна – на столе у меня лежали листки моего первого рассказа. Отправил его в “Образование”» [Галушкин и Любимова 1999: 10] (Автобиография 1928 года). Завершенный в 1907 году рассказ «Один» описывает молодого студента Белова, который уже три месяца сидит в одиночной камере. Не имея связи с революционными товарищами, он мечтает о Лёльке, которую в свое время встречал на политических вечерах, где шли жаркие споры. Находясь в тюрьме, он обменивается с ней письмами, и его дни наполняются эротическими фантазиями и мечтами о любви. Она по-доброму относится к нему и даже шлет передачи, но в конце концов сообщает, что собирается уехать из города вместе со своим будущим мужем. Уничтоженный этой новостью, Белов бросается с тюремного балкона и разбивается. В этом рассказе недавно пережитый Замятиным опыт тюремного заключения перерос в трагическую историю, с той лишь разницей, что в его случае судьба улыбнулась ему и женщина, о которой он мечтал, ответила взаимностью.

В рассказе «Девушка» (1910), также написанном в эти годы, тема страсти и тоски, испытываемых в условиях ограниченных контактов с обществом, развивается на примере молодой девушки Веры. Связанная обязательствами перед матерью-инвалидом, она настолько охвачена эротическими желаниями, что преодолевает социальные запреты и завлекает слегка смущенного юношу к себе домой. Когда молодые люди начинают целоваться, в комнате появляется мать, и юноша убегает, оставив охваченную страстью Веру. В контексте развития отношений между Людмилой и Замятиным в первые годы их знакомства, а также с учетом того, что сексуальность станет одной из ключевых тем в его творчестве, поражает выстраивание автором образов, связывающих чувственное влечение с женским авторитетом и даже насилием. В мечтах Белова о Лёльке он прислуживает богине, как раб: «...хочется чего-нибудь еще более рабского, еще более унижающего», и «... чтобы она взяла всего его». Когда Вера пытается соблазнить молодого библиотекаря, она «... тонкими, горячими пальцами схватывает его за лицо и за шею, впивается поцелуем – так, что своими зубами касается его зубов, и зубы скрипят. Скорее – пить из него жизнь. Может быть – минуты остались». Почувствовав, что эти рассказы чрезмерно истеричны по тону, Замятин предпочел не включать их в более поздние собрания своих сочинений. В 1928 году он писал: «Когда я встречаюсь сейчас с людьми, которые читали этот рассказ [«Один»], мне так же неловко, как при встречах с одной моей тетушкой, у которой я, двухлетний, однажды публично промочил платье» [Галушкин и Любимова 1999: 10–11] (Автобиография 1928 года). В конце 1908 года была также впервые напечатана его литера-

турная рецензия, где осуждалось самодовольство недавно открывшегося петербургского журнала «Новые мысли», редакторы которого обещали «лучшее чтение для пищеварения», отказавшись от полемических материалов – то есть игнорируя политические и социальные беды современной России²⁵.

Эксперименты с прозой увлекли Замятина. Тем не менее завершёнными оказались лишь немногие из рассказов и новелл, написанных между 1906 и 1912 годами, в то время, когда он заканчивал учебу и начинал карьеру преподавателя и специалиста в морском инженерном деле²⁶. В ноябре 1908 года, примерно в то время, когда он предоставил свой рассказ «Один» к публикации, он писал своей сестре Александре, что изучает французский и инженерное дело (он вот-вот должен был получить свою первую зарплату), но больше всего поглощен литературой. Он начал ходить на литературные вечера, где молодые писатели читали свои произведения вслух. Его новелла «Чайная роза», входившая в цикл из запланированных четырех рассказов, была очень хорошо принята и вызвала много дискуссий. В декабре он планировал вернуться в Лебедянь, так как там ему лучше писалось²⁷. Действительно, всякий раз, когда он приезжал, мать, которая его обожала, следила за тем, чтобы бумаги в его комнате были разложены именно так, как он их оставил. Летом 1910 года он мучился, сомневаясь, как спланировать отпуск – ехать вместе с Людмилой и провести свободное время с ней, или писать: «...моя бедная литература! Она, ведь, тоже меня ревнует – к тебе. И тоже соблазняет меня». Через пару недель, вторя знаменитому изречению Чехова, он заговорил о предательстве своей настоящей жены – литературы, так как все же решил провести август с Людмилой²⁸.

В 1906–1912 годах личная жизнь Замятина ознаменовалась как огромным счастьем, так и последовавшим за ним крушением надежд. Его письма в первые годы уже прочных отношений с его «милым мышонком» (май 1908 года) или «ландышем» пропитаны эротической нежностью молодого любовника – «целую уголки мои милые – как чашечки ландыша» (июнь 1909 года). Эти «уголки» вновь станут отличительной чертой эротичной соблазнительницы 1-330 в романе «Мы». В 1908 году он написал для Людмилы стихотворение (что делал нечасто), озаглавленное «Желание»: «Я упаду на костер / В пламя объятий твоих»²⁹. В связи с этим следует упомянуть, что общественное давление, исходящее в том числе и от его собственной чрезвычайно религиозной семьи, предположительно привело к тому, что они официально зарегистрировали свой брак, но нет никаких документальных свидетельств, указывающих на дату церемонии. Летом 1909 года в одном из писем Замятин называл свою «родную Люсиньку» своим ребенком, любовью, женой и нежной матерью. Возможно, к тому времени они уже начали понимать, что, вероятно, у них никогда не будет детей:

Инстинкт деторождения, инстинкт материнства... Может быть этого и не будет, и может быть – еще сильнее от этого будет любовь? Может быть – то, что ты должна была отдать ребенку – ты отдашь мне? Может быть – тебе будет сладко от того, что я буду класть голову к тебе на грудь и брать ее губами, как ребенок, и называть тебя матерью? Может быть ты – мать – будешь все прощать мне, твоему ребенку? И, может быть, мне будет сладко тебе, слабой

²⁵ «Журнал для пищеварения» (1908) [Галушкин и Любимова 1999: 14–16 (14)].

²⁶ В архивах сохранились следы предварительных записей для коротких рассказов 1907–1908 годов с названиями «Утром и вечером», «В толпе» и «Снежное окно», а также для цикла из четырех новелл, названных именами цветов и объединенных общим заголовком «Цветы говорят мне в сумерках» или «Зеркало цветов». Летом 1909 года он также написал рассказы «В маленькой комнатке», «Девушка-улыбочка» и «притчу» в стихах «Премудрый Нгабами» [ИМЛИ. Ф. 47. Оп. 1. Ед. хр. 11, 5–7, 8–9, 12–14, 18, 105].

²⁷ Письмо А. И. Замятиной (Волковой) от 19 ноября 1908 года. Комлик Н. Н., Замятина Н. С. «Предания русского семейства: (Новые материалы к биографии Е. И. Замятина)» в [Полякова 2009: 436–437].

²⁸ Письма Людмиле от 11 и 27 июля 1910 года [РНЗ 1997: 64, 66–68].

²⁹ Письмо Людмиле от 14 июня 1909 года [РНЗ 1997: 51, 439].

и маленькой, отдать свои силы, держать тебя – ребенка – на коленях, носить ребенка – на руках?³⁰

В этих письмах он с нежностью пишет о ее губах, маленьких зубках, интимных запахах, менструальной влаге, нежной остроте ее груди, ощущаемой через блузку, милых ему изгибах ее запястий со светлыми волосками на них и о его желании обнять ее ноги, положить голову ей на колени или поцеловать ее грудь через платье. Все эти образы позже появятся в его прозе.

В конце июня 1911 года он размышлял о том, какую роль в их отношениях играет власть одного над другим. Робкий ухажер из его ранних писем иногда снова проявляется, связь между ними уже прочна, но баланс сил явно изменился:

Моя маленькая госпожа. Как приятно мысленно подчиняться тебе и целовать твои руки, ставши на колени. И как я за это же не люблю тебя и себя – за то, что моя любовь к тебе и твоя ко мне – заставляют меня чему-то, кому-то подчиняться, – пусть этот кто-то даже и ты; за то, что я в чем-то стесняю себя, в чем-то обуздываю себя – пусть это делается даже ради великой чистоты и полноты наших ласк, твоих ласк.

Не знаю, что это: моя ли (еще) молодость, или привычка к слишком свободной морали, или испорченность, или, просто, явление физиологической категории – но все эти женщины, которых ежедневно видишь – они, увы, действуют на мое любопытство. Я с удовольствием посмотрел бы, как эта, или другая, или десятая – из неприступной, из богини – становится бесстыдной и послушной. Вероятней всего, я именно «посмотрел бы» на это, откуда-то сверху, улыбаясь, забывая о своем участии. (С тобой, при тебе – я никогда таким не бываю; кроме тебя – меня настоящего, непритворного, пожалуй, никто не знает, не видал.)³¹

В соответствии с его пониманием свободной любви их отношения были достаточно открытыми и допускали возможность измены. В августе 1910 года он признавался, что немного тосковал при мысли, что она полна жизни и желаний и была готова отдаться кому-то другому; он надеялся, что она подождет его еще хотя бы десять дней. С другой стороны, в июне 1911 года он признавался, что провел значительную часть времени в течение последних двух-трех недель с некой Марией Андреевной и целовал ее – «нет, не до конца...», – злорадно наслаждаясь процессом флирта, пока Мария Андреевна не влюбилась в него. Теперь же, продолжал он, она окончательно исчезла из их жизни, так как он не хочет допустить даже вероятности того, что тень пробежит между ним и Людмилой³².

Однако после пяти лет счастливых интимных отношений с Людмилой в жизни пары появился новый фактор, повлиявший на интенсивность и характер их сексуальных контактов. Начиная с лета 1911 года, когда он был в командировке в Московской губернии, Замятин начал страдать от рецидивов неприятного состояния, которое впервые проявилось предыдущим летом:

Увы, доктор, – я страдаю: *cholera chronica* [хроническая холера]. Помнишь, как в прошлом году, когда мы жили на Матвеевской. За эту неделю, с прошлого понедельника до этого, – я попробовал пообедать всего один раз, на Петров день (показалось, что выздоровел) – и увы, еще хуже. Питался все время бульоном и чаем. Подвело меня – так прямо страсть. Я уж и салол пил,

³⁰ Письма Людмиле от 27 и 29 июля 1909 года [РНЗ 1997: 52–54].

³¹ Письма Людмиле от 30 декабря 1909 года, 22 июля 1910 года, 15–16, 19–20, 25 и 27–29 июня 1911 года [РНЗ 1997: 62, 65–66, 79–85].

³² Письма Людмиле от 2 августа 1910 года и 5 июня 1911 года [РНЗ 1997:69,74–76].

и Гуниади-Янос, и опять салол с бензонафтолом, – все никакого толку. Вчера, наконец, пошел к тутошнему доктору (как все почти доктора, – очень мил) и получил от него бисмут с опиумом. За обедом – с завистью смотрю, как едят всякие колбасы и закуски и скромно ем бульончик и манную кашку, маленький ребеночек. – Вчера чувствовал себя очень скверно, болела голова, слабость, – может, потому еще, что не выспался в дороге. Сегодня ничего³³.

Мучения Замятина из-за проблем с пищеварением, которые в виде тяжелой формы колита будут возвращаться в течение многих лет, стали основной темой его писем к жене, имевшей медицинское образование и опыт. Конкретно этот период болезни длился еще около десяти дней, и он сообщал о диарее, обложенном языке и резкой потере веса. Он также жаловался на дискомфорт, головные боли и слабость, и раздражался, когда врачи, к которым он обращался, давали ему противоречивые советы касательно его диеты. Все это происходило – и, возможно, эти процессы были взаимосвязаны, – пока он постоянно переезжал с места на место, будучи вынужден делать это из-за работы, а также в связи с продолжавшимися проблемами с получением права на постоянное жительство.

К августу 1911 года он заболел так сильно, что вернулся в Лебеяднь, где за ним стала ухаживать мать. Его потребность в заботе привела к примирению с семейным окружением, от которого он так резко отказался, будучи молодым студентом. В течение нескольких следующих лет он нередко возвращался домой, когда ему требовалась поддержка и было необходимо восстановить силы. Очевидно, его письма о том, как ему плохо, очень обеспокоили всю его семью, потому что на вокзале соседнего Ельца его встречали родители в сопровождении шурина: «... отчасти, кажется, потому, что думали, что <...> меня придется выносить из вагона». Его первые письма к Людмиле из Лебеядни, написанные тем летом, пишутся в виде медицинских «бюллетеней». В них очевидна характерная для него озабоченность каждой деталью своего состояния:

Спал часов 7½. Накануне вечером делал клизму с висмутом – безрезультатно: ничего, кроме клизмы и небольшого куска слизи*. Небольшие боли. Утром у отца был доктор. Вытащили и меня – хотя я уверен, что о колите сумею ему больше рассказать, чем он мне. – И рассказал. Доктор нашел, что вероятно – неперепончатый колит (судя по характеру болей) и что диета была слишком строга: нужно цыпленка etc. Пить – Виши лучше, чем Боржом. Итак, в первый же день утром – я пью какао с сухарями. – В 12 час. – рисовое пюре и бульон. В 2½-3 ч. обед из 3-х блюд: бульон, пюре из цыпленка (оч. вкусно) и черничный кисель. В 5½ – чай и ½ стакана детской муки «Нестле» (нечто вроде желе или киселя – вкусное). В 8 час. – 8½ мясной сок и пюре из цыпленка. – Пил Виши и висмут с бензонатом. После приемов пищи были довольно резкие боли в желудке, но я их определял, как нервные. – И не смущаясь, ел. – Appetit был. Язык приличен. Клизмы не делал. Около 11 – лег в постель. Т – 35,9 градусов. Пульс 48–50. Слабость.

* Всю дорогу стула не было³⁴.

Конечно, мрачноватое письмо, если учитывать, что его писал мужчина двадцати семи лет своей молодой жене, которая на протяжении последующих более чем шести месяцев не будет жить с ним как жена «в полном объеме этого слова»³⁵. Тем летом почти месяц он провел в Лебеядни, но в конце августа вместе с матерью отправился в Москву, чтобы проконсульти-

³³ Письмо Людмиле от 5 июля 1911 года [РНЗ 1997: 86–88].

³⁴ Письмо Людмиле от 21–22 августа 1911 года [РНЗ 1997: 94–95].

³⁵ Письмо Людмиле от 9-10 января 1912 года [РНЗ 1997: 109–110].

роваться со специалистом, который пришел к выводу, что это колит, совмещенный с неврастенией. Он попробовал другие лекарства, в том числе инъекции мышьяка, и стал чувствовать себя гораздо лучше, смог есть мясо и цветную капусту и даже пить кофе без кофеина. Но в середине сентября приступы возобновились, и он вернулся к рисовым пюре, хотя вскоре после этого снова начал работать в Петербурге³⁶.

Рождество 1911 года было унылым. Здоровье Замятина снова ухудшилось, и вот он уже пишет Людмиле из санатория в Подсолнечной на северо-западе Москвы, где находился под присмотром доктора Щуровского, специалиста, к которому летом обращался за консультацией. Он провел там шесть недель, и его письма оттуда полны жалоб на плохой сон (он был чрезмерно чувствителен к свету и шуму), на клопов в комнате и на некомпетентность поваров, которые, по его мнению, готовили не то, чего требовала его диета. Некоторое облегчение доставляли беседы с другими пациентами, чтение книг и газет, игра на пианино, бильярд, а также катание на коньках в периоды, когда он чувствовал себя лучше. Тем не менее, что даже удивительно, Замятин нашел силы и время писать; это произошло ближе к концу его пребывания там, когда его состояние стабилизировалось и ему удалось набрать в весе четыре-пять килограммов. Наконец, во второй половине февраля 1912 года он снова приступил к работе в Санкт-Петербурге. На этот раз его сопровождала мать, продолжавшая ухаживать за ним. Однако полгода спустя он вернулся в санаторий. К этому времени он разработал систему баллов для описания своих выделений в письмах к Людмиле, используя градацию от 4+ до 2=. Он снова проводил время за бильярдом, фортепиано или шахматами, а также на рыбалке и иногда за письменным столом. Его вес до возвращения в санаторий составлял всего 60 килограммов, но поняв, что с момента приезда он похудел еще больше, он уехал из санатория и вернулся в Лебедянь. Оттуда Замятин послал грустное письмо:

³⁶ Письма Людмиле от 25 августа и 13 сентября 1911 года [РНЗ 1997:97,99-101].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.